

С.П. Шевырев

О критике вообще и у нас в России

Оригинал здесь -- http://dugward.ru/library/shevyrev/shevyrev_o_kritike.html

Не помню, кто-то давно уже сказал в каком-то альманахе или журнале: "У нас нет еще словесности, а есть же критика" - и поставил в конце знак восклицания, желая выразить тем, как я думаю, свое изумление такому будто бы небывалому чуду. Как, в самом деле, есть критика, когда нет литературных произведений? Что критиковать, когда критиковать нечего? Эта мысль, или лучше фраза, врезалась как-то невольно в моей памяти, вероятно, по той же причине, по какой случается вам в жизни помнить резкое слово, сказанное кем-то когда-то. Есть такие выражения и в литературе, которые невольно помнятся.

Я не вдаюсь теперь в исследование первой половины этой фразы: у нас нет еще словесности! На этот текст мы недавно читали в одном московском журнале статью, одушевленную огнем и свежою мыслию, которую приятно было встретить, особенно после долгой отвычки от мыслящего чтения в журналах. Вывод показался нам резким софизмом; но многие черты и частные обрисовки в этой статье обнаруживают мнение самобытное. Но об этом после, а скорее к предмету, к другой половине памятной мне фразы: "у нас есть уже критика". Будь эта половина фразы справедлива, я готов бы был вместо знака удивления поставить знак радости, если бы такой знак существовал у нас в грамматике. Не знаю, на чем автор основал это замечание: не на множестве ли критик, которые печатались и печатаются у нас в журналах? Но в таком случае на его фразу можно отвечать другою фразой: у нас много критик, а есть ли критика? Критика в русской литературе не должна ли принадлежать еще к числу тех слов в русском языке, которые употребляются только во множественном числе, а не имеют единственного, как, например, сани, дрожки и проч.? У нас много критик, а есть ли критика?

Прежде чем буду говорить о том, как я разумею критику, и есть ли она у нас, и если есть, то какая, я желаю оправдаться перед своими читателями в том, почему я предложил им этот вопрос. Мне кажется, что это есть вопрос современной важности и один из первых вопросов в нашей литературе. Для того, чтобы доказать это, возвращаюсь к памятной фразе, с которой я начал, не для того, чтобы начать с чего-нибудь...

Может ли, в самом деле, существовать критика там, где нет еще словесности? Под именем словесности я разумею, как, вероятно, разумел и автор фразы, выражение национального духа в слове, выражение образованное и полное. Есть огромная литература одного из замечательнейших народов, которой история доказывает нам, что это явление быть может. Образованная национальная словесность в Германии, словесность, восшедшая на степень высокого искусства, началась с блистательного развития критики ученой и глубокомысленной. Лессинг, Винкельман и Гердер предшествовали в Германии Шиллеру, Гёте и Жан-Поллю. До Лессинга словесность немецкая образовывала только язык, а высокие произведения искусства в немецкой словесности явились после критики и даже были плодом ее усилий. Вся словесность немецкая, можно сказать, вышла из критической школы. Гений Шиллера и Гёте исполнил то в Германии, о чем мечтала, что до них предчувствовала критика. Это явление, представляемое нам словесностью Германии, имеет всемирную важность, которой значение я постараюсь объяснить далее, но имеет сверх того важность относительную к нашей отечественной литературе, которая по месту своему представляет многие сходства с литературою Германии. Наша словесность есть также позднейшая в отношении к прочим странам Европы, как и германская. Она заключает в себе такую же совокупность разнородных влияний, какие видим мы и в немецкой. Литературы позднейшего развития начинают всегда с подражаний. У народа, который развивается по примеру другого, уже есть перед глазами образцы иноземные, прежде чем явятся свои собственные. Вместе с этими образцами есть чужие правила и мнения, которые она принимает на веру. Следственно, есть уже все материалы для критики, прежде чем явились самые произведения. И в эпоху безвкусыя, в эпоху рабской подражательности и умерщвления своего духа только посредством усилий критики словесность может выйти на истинную стезю прекрасного, принять доброе направление и от мелких подражательных попыток взойти к полным и возвышенным созданиям художества, как это и было в Германии. В литературе народа, позднее являющегося, чем другие, вы видите уже ход, обратный тому, какой видели в начале древнего и нового европейского мира. Там творцы поэты открывают начало литературы, здесь критик есть первый ее начинатель. Там является поэзия без сознания, по вдохновению, по внушениям самой жизни и льется,